

Оскар Рабин — полвека в музеях и галереях



«Эмигрантский натюрморт», 1990

Жизнь человека, увы, не бесконечна, поэтому дожить до полувекового юбилея своей первой персональной выставки — и при этом продолжать работать и выставляться — не удастся почти никому.

Отметить полувековой юбилей успешного присутствия в профессии удастся немногим. Особенно это касается людей искусства: создавая в более или менее благоприятных для творчества условиях свои работы, художник может лишь надеяться на то, что тот или иной музей или галерея выразят желание устроить его персональную выставку, и очень часто ждать этого приходится долгие годы.

Именно поэтому такую редкую дату мы отмечаем в этом году — полвека со дня первой персональной выставки выдающегося русско-еврейского художника Оскара Яковлевича Рабина. Состоялась она в 1965 году, но не в Москве, где Рабин тогда жил, а в Лондоне, где он впервые побывал лишь многие годы спустя. Эту необычную выставку, прошедшую в отсутствие автора, организовал известный коллекционер, искусствовед и арт-дилер Эрик Эсторик (1913-1993). СССР он впервые посетил в 1960-м в качестве гостя Ленинградского отделения Союза художников. Всего же Эсторик побывал в СССР четырнадцать раз — мы, к сожалению, очень приблизительно знаем, что именно влекло его в Советский Союз. В своей «Grosvenor Gallery» он организовал выставки Ильи Глазунова и Анатолия Зверева (1931-1986). Затем дошла очередь и до произведений Оскара Рабина.

С Рабиным Эрик Эсторик познакомился через Виктора (Виталия) Евгеньевича Луи (1928-1992) — человека нетривиальной судьбы, о котором Андрей Дмитриевич Сахаров вспоминал: «Виктор Луи — гражданин СССР и корреспондент английской газеты (беспрецедентное сочетание), активный и многолетний агент КГБ, выполняющий самые деликатные и провокационные поручения. Говорят, сотрудничать с КГБ он стал в лагере, куда попал много лет назад. КГБ платит ему очень своеобразно — разрешая различные спекулятивные операции с картинами, иконами и валютой, за которые другой давно бы уже жестоко поплатился». Известно, что именно Виктор Луи в октябре 1964 года первым из корреспондентов передал в свою газету сенсационное сообщение об отставке Никиты Хрущева — за несколько часов до появления официальной информации об этом.

Этот человек вел удивительный по размаху и роскоши образ жизни и, по всей видимости, искренне ценил творчество Оскара Рабина: из своих частых заграничных поездок он привозил тому фломастеры, которые нельзя было купить в СССР — это изменило технику художника (начиная с 1963 года многие из рисунков Рабина выполнены фломастером на бумаге). Именно через Виктора Луи Эсторик купил у Оскара Рабина множество картин. В основанной на беседах с художником книге французской журналистки Клод Дей «Три жизни» говорится: «Эсторик приезжал ко мне несколько раз и купил много работ для моей персональной выставки в его галерее». Позднее Рабин уточнил, что встречался с Эсториком только однажды, а свои картины продавал ему через Виктора Луи. Художник Владимир Немухин подтвердил,

что все картины покупал Луи, он же организовывал и их вывоз за рубеж.

Сын расстрелянного идишского поэта Переца Маркиша — Давид, встречавшийся с Виктором Луи и в СССР, и в Израиле, где он многократно бывал еще до возобновления дипломатических отношений между двумя странами, оставил интересные воспоминания, в которых, в частности, писал: «Знакомство с ним, от греха подальше, творческие интеллигенты не афишировали — но бывать у него на даче бывали, и охотно. А Виктор Евгеньевич принимал хлебосольно, показывал картины, коллекционную бронзу, скульптуры Эрнста Неизвестного в саду, шесть или семь роскошных автомобилей в гараже... Но не для того робкие интеллигенты, знаменитые, наезжали в Баковку [где находилась дача Виктора Луи], чтобы любоваться картинами и машинами. А наезжали они затем, чтобы просить о помощи: помогите, Виктор, опять выезд за границу закрыли, держат, не пускают никуда. И Луи помогал: оформляли паспорт, выдавали командировочные. Кто у него только не перебивал в этой Баковке!. «Приезжали в темноте, просили шепотом, — мягко усмехаясь, рассказывал Виктор. — Чтобы коллеги не узнали».

Впрочем, вряд ли кто-то был активнее «в темноте», чем сам Виктор Луи. Еще жив Мордехай Газит, бывший в 1973-1975 годах главой администрации премьер-министра Государства Израиль: вначале при Голде Меир, потом при Ицхаке Рабине. Именно с ним встречался 15 июня 1973 года Виктор Луи, прибывший для тайных переговоров в еврейское государство, с которым Советский Союз к тому времени уже шесть лет как разорвал дипломатические отношения! Интересы Виктора Луи живописью явно не ограничивались.

Понятно, что Оскар Рабин, ютившийся в начале 1960-х с супругой — художницей Валентиной Кропивницкой — и двумя их детьми в комнате в бараке в Лианозово, пытался минимально устроить жизнь своей семьи, и оптовый покупатель, к тому же обещавший организовать его персональную выставку в Лондоне, был для художника едва ли не благодетелем, сошедшим с небес. Очевидно, что Рабин, всегда адекватно воспринимавший окружающую действительность, менее всего хотел оказаться арестованным по обвинению в валютных спекуляциях — за это в 1960-е, начиная с резонансного дела Яна Рокотова, Владислава Файбишенко и Дмитрия Яковлева, были осуждены сотни людей (с июля 1961 года по 5 января 1963 года в СССР состоялся 51 судебный процесс по экономическим делам, где

было вынесено 104 смертных приговора, в том числе 60 евреям, — прим. ред.). По данным КГБ, приведенным бывшим руководителем Государственной архивной службы России Рудольфом Пихоя, в 1960-1966 годах за незаконные валютные операции к уголовной ответственности был привлечен 1061 человек. Поскольку многие знали, что Виктор Луи занимается перепродажей произведений искусства, и видели, что ни он сам, ни его контрагенты не подвергаются преследованиям со стороны властей, решение Рабина продавать картины не напрямую, а через Луи, было весьма разумным. С одной стороны, был шанс — казавшийся весьма иллюзорным — на то, что будет организована его первая выставка, о чем в Москве тогда художник из «Лианозовского круга» не мог и мечтать; об Оскаре Рабине тогда в советской прессе печатались фельетоны, где он именовался «жрецом помойки №8». С другой же стороны, висел дамоклов меч опасности быть арестованным и осужденным как «валютчик», хоть речь и шла о продаже исключительно картин, созданных его собственным трудом, на которые в то время ни один советский музей не претендовал и даром...

Впервые картины Оскара Рабина были выставлены на Западе в июне 1964 года, в рамках выставки «Аспекты современного советского искусства», прошедшей в Лондоне. А 10 июня 1965 года в «Grosvenor Gallery» открылась персональная выставка Оскара Яковлевича, включавшая семьдесят работ; каталог выставки открывала статья, написанная Дженнифер Стэтхэм — супругой Виктора Луи. Выставка была открыта для публики на протяжении месяца. Самого Рабина на собственную выставку за «железный занавес», конечно, никто не выпустил. Сам он рассказывал: «Каждый художник, впервые выставляющий картины, испытывает одновременно и чувство радости, и чувство страха. Меня же мучил не обычный в таких случаях страх молодого художника, впервые показавшего себя на публике, а человеческий страх — «что-то скажет начальство?». Мы для себя тоже устроили «вернисаж». Отобрали с Валею фотографии проданных Эсторику картин — дрянных, любительских фотографий, — разложили на полу и, расхаживая по комнате, воображали, что находимся в лондонской «Grosvenor Gallery».

С тех пор прошло полвека... Оскар Яковлевич выехал в 1978 году на Запад, после чего был лишен советского гражданства и права на возвращение — как были уверены и он сам, и те, кто лишал его гражданства, — навсегда. Советская власть, однако, оказалась не вечной — Оскар Яковлевич и

Валентина Евгеньевна с триумфом вернулись в изгнавшую их страну в 1993-м, когда петербургский Русский музей организовал их представительную выставку. Затем были выставки и в Третьяковской галерее, и в Музее изобразительных искусств, основанном Иваном Цветаевым на Волхонке. В декабре 2008 года Валентины Евгеньевны не стало; Оскар Яковлевич, проживший с ней вместе пятьдесят восемь лет, говорил, что, скорее всего, в Россию больше не поедет. Однако в феврале этого года поступило приглашение от петербургского музея современного искусства «Эрарта», где было инициировано проведение довольно-таки необычной выставки, — и Оскар Рабин полетел в Россию вновь.

Нередко приходится слышать ничем неоправданное утверждение о том, будто «Рабин в Париже исписался», будто «его работы последних тридцати пяти лет значительно менее интересны, чем созданные в 1960-е». Выставка в музее «Эрарта», где были представлены только полотна, созданные во Франции (отсюда и ее название — «Мне подарили Париж»), позволила разрушить этот стереотип. Холсты, созданные мастером за последнее десятилетие (самая ранняя из представленных в «Эрарте» работ датируется 2006 годом), наглядно демонстрируют расцвет его зрелого дарования, когда жизненный опыт превратился в мудрость, а довольно-таки злой сарказм советского нонконформиста уступает место пусть и горьковатой, но иронии человека, лишенного иллюзий. Полвека спустя после его первой персональной выставки Оскар Яковлевич Рабин продолжает творить и выставляться, даря ценителям подлинного искусства жемчужины, в которых его уникальный стиль поднимается к новым высотам. Прожив полвека в музеях и галереях, Оскар Яковлевич Рабин золотыми буквами вписал свое имя в историю искусства, доказав всем своим хулителям и недоброжелателям, что политические режимы приходят и уходят, а настоящее искусство останется с людьми навсегда.

Алек Д. Эпштейн, специально для «Хадашот»